

У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЛИТЕРАТУРА

эссе о писателях и литературе

Александр Фадеев: Алтарь и плаха

Великие эпохи жестоки к людям, которые своим трудом, талантом и верой делают их великими. Жизнь великих людей в великие эпохи напоминает полёт Икара к солнцу. Да, можно верить в правильность тех или иных идей, класть на их алтарь (или плаху) собственную голову, но беда этих эпох в том, что они конечны во времени и пространстве. Поэтому финал их фанатов, как правило, трагичен.

Классик советский литературы Александр Фадеев (24 декабря 1901 – 13 мая 1956), автор романов «Разгром» и «Молодая гвардия», долгие годы занимал должность генерального секретаря Союза писателей СССР. Он заседал в комитете по Сталинским премиям, был доверенным лицом и «приводным ремнём» вождя в управлении большим и сложным литературным хозяйством страны.

Усатая тень с трубкой склонялась не только над расстрельными списками, планами индустриализации и военными картами, но и над страницами книг, пьес и сценариев, репродукциями картин, архитектурными проектами, рисунками памятников и монументов. По свидетельству другого сталинского любимца, поэта Константина Симонова, вождь читал выдвинутые на премии произведения, лично определял, кому какую степень присудить. Из Кремля как будто протягивалась дружественная рука, отмечавшая вклад художника в великое общенародное дело. Эта схема работала. Внутри неё творили Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Константин Паустовский, Александр Твардовский, Василий Гроссман, Илья Эренбург, многие другие вошедшие в историю русской и советской литературы авторы.

Великие эпохи, как справедливо заметил поэт Николай Тихонов, делают из людей «гвозди», крепче которых нет в мире. Фадеев был гвоздём, на котором висело многоплановое и многонациональное полотно советской литературы. Гвоздь гнулся, но держал неподъёмный вес. В индустриализации, коллективизации, невиданных в мире репрессиях Фадеев ощущал заархивированную мощь новой, как многим тогда казалось, в недалёком будущем «земшарной» Республики Советов. Он неистово и с упоением служил ей сначала как идеолог Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), затем уже как начальник всех писателей страны. Сталин дал Фадееву почести, звания, ордена – всё, кроме возможности свободно и полно реализовать свой недюжинный литературный талант. Но, вырываясь из служебно-бюрократических тисков, с боем отвоёвывая недели, в редких случаях месяцы для творчества, Фадеев сумел написать лучший эпический роман о Великой Отечественной войне. «Если история одной цивилизации и один из её величайших моментов должны быть выражены одним только литературным произведением, то в

СССР таким произведением вполне может служить «Молодая гвардия» Александра Фадеева», писала вскоре после выхода французского издания газета «Леттр франсэз».

Фадеев был по-мужски красив, его любили многие известные и выдающиеся женщины. Он казался (и был!) одним из символов эпохи, органично сочетая в себе литературный талант, преданность идее, хватку организатора и веру в вождя. Да, из-под «гвоздя» сочилась кровь. Интернационал, как писал расстрелянный в 1939 году автор «Конармии» Бабель, «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью». Но, думается, Фадеев выстрелил себе в сердце на даче в Переделкине не потому, что из лагерей стали возвращаться писатели, которых он не смог защитить, а некоторых, возможно, искренне считал врагами советского строя. Отказавшись «переобуться в воздухе», Фадеев сам себе вынес расстрельный приговор по законам уходящей жестокой, но великой эпохи. Он ушёл вместе с ней, не поверив в «оттепель» и новых вождей. Наверное, он был не прав. Но он прожил жизнь во время, когда правда, как, впрочем, и неправота подтверждались смертью. Сегодня произведения Александра Фадеева вновь включены в школьные программы по литературе.

Михаил Светлов: Горькая романтика революции

Михаил Светлов превратил романтику революции и Гражданской войны в поэтическую традицию, просуществовавшую до самого конца СССР. Вместе с такими поэтами, как Павел Коган, Джек Алтаузен, Иосиф Уткин, Михаил Кульчицкий он был талантливым и ярким представителем первого постреволюционного поколения советских людей, искренне верившим в высокие идеалы революции. Именно это поколение, пройдя через репрессии и «чистки» тридцатых годов, одержало победу в Великой Отечественной войне и практически всё полегло на полях сражений. Поэты советского варианта «бури и натиска» остались в истории русской литературы, как искренние патриоты социалистического Отечества, апостолы веры в революцию. «Я с детства не любил овал. Я с детства угол рисовал». Строчки Павла Когана можно отнести и к творчеству Михаила Светлова, рисовавшего «угол» поэзии классовой, героической, интернациональной, революционной. Родившийся в 1903 году в небогатой еврейской семье, Светлов (этот псевдоним он взял в 1920 году, вдохновившись примерами Максима Горького и Демьяна Бедного) в шестнадцать лет вступает в комсомол, участвует в Гражданской войне, редактирует газету «Юный пролетарий».

В двадцатых годах яростная классовая борьба в СССР сочеталась с просвещением народа. Социальные лифты работали на полную мощность. Народ рвался к культуре, к образованию. На великих стройках выковывалась новая личность советского человека. Этот человек жил не материальными, а духовными интересами. Поэзия была ему нужна как воздух. Стихи и песни Михаила Светлова стали гимном молодёжи тех лет, вошли, как символы времени, в коллективную память народа, были разобраны на цитаты: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; «Отряд не заметил потери бойца»; «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо»;

«Каховка, Каховка – родная винтовка, горячая пуля, лети!». Вершиной романтизации Гражданской войны стала написанная Светловым в 1926 году баллада «Гренада», высоко оценённая не только тогдашними любителями поэзии, но и лидерами «белого» и «красного» направлений в русской поэзии – Мариной Цветаевой (из эмиграции) и Владимиром Маяковским.

Молодая советская поэзия, первоначально единая в пафосе революционно-го преобразования общества и отрицании «старого мира», в конце двадцатых годов вступила в стадию идейного размежевания. Точкой несогласия стало отношение к партийной номенклатуре, предавшей высокие идеалы революции, коллективизации и террору, как способу управления страной. Поэты Борис Корнилов (автор легендарной песни «Нас утро встречает прохладой»), Павел Васильев, Алексей Ганин были расстреляны как «русские фашисты». Но и к поэтам, романтизирующим Гражданскую войну и «земшарную республику советов», у власти, взявшей курс на отказ от мировой революции во имя построения социализма в «отдельно взятой стране», полного доверия не было. В их поэзии, как профиль Троцкого в пионерском костре на этикетке спичечного коробка (известное дело об идеологической диверсии) слышалось эхо теории перманентной революции. Но сталинское руководство уже не рассматривало историческую Россию как «вязанку хвороста для мирового пожара». Умирать, «...чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» больше никто не собирался.

Михаил Светлов остро ощущал происходящие изменения. Ему не нравился нэп, пробуждавший в народе буржуазные пережитки. В вышедшем в 1927 году сборнике его стихотворений «Ночные встречи» критики заметили неуместную иронию, отход от «линии партии». «Время не то, и люди не те, //Но ты – остался собой. //Ты всё ещё носишь в своих глазах //Вспышки прошлых дней». Светлов не только открыто поддержал левую (троцкистскую) оппозицию, но вместе со своими друзьями поэтами Иосифом Уткиным и Михаилом Голодным затеял выпуск оппозиционной газеты «Коммунист». Естественно, всё это не осталось без внимания. В 1928 году Михаила Светлова обвинили в троцкизме и исключили из комсомола. Потом, правда, восстановили. Загладить свою вину ему частично удалось в 1935 году песней «Каховка». Интересные воспоминания о том периоде жизни Светлова оставил поэт Семён Липкин: «Я его помню непьющим, радующимся славе. Его опустошил разгром оппозиции. Он сочувствовал Троцкому. Был не подготовлен к имперским жестокостям. Все комсомольские поэты первого поколения, как и весь тогдашний комсомол, были обворожены Троцким... Безыменский гордо заявлял: «Я грудь распахну по-матросски и крикну: «Да здравствует Троцкий!»».

В 1941 году Светлов стал фронтовым корреспондентом «Красной звезды», прошёл всю войну, был награждён двумя орденами Красной Звезды и медалями. Поэма «Двадцать восемь» о героях-панфиловцах, цикл стихотворений об отважной, погибшей от рук фашистов, партизанке Лизе Чайкиной были одобрительно встречены критикой и общественностью. Тем не менее, старые «грехи» не забывались. После войны поэта вызвали на Лубянку, предложили сотрудничать. Он сослался на свою неспособность «не разглашать» по причине пристрастия к алкоголю. Выйдя с Лубянки, немедленно отправился в

ресторан «Арагви», где подтвердил сказанное делом. Из частично рассекреченных в годы перестройки архивов НКВД стали известны некоторые запроотолированные информаторами высказывания поэта. О Союзе писателей СССР: «От этой организации, кроме пошлой официальнойщины, ждать нечего». О КПСС: «Она переродилась, ничего общего с пролетариатом она не имеет... Пребывание в партии превратилось в тягость, там всё ложь, лицемерие и ненависть друг к другу, но уйти из партии нельзя. Тот, кто вернёт партбилет, лишает себя хлеба, свободы, всего». Не удивительно, что поэт жил в опале, хотя и относительно мягкой, без оргвыводов. Тяжёлое впечатление произвела на него развернувшаяся в стране в последние годы жизни Сталина «борьба с космополитизмом». В эти годы Светлов почти не писал стихов, занимался в основном переводами, преподавал в Литинституте.

Настоящим ренессансом для поэта явились годы хрущёвской «оттепели». Он снова стал «публичной» фигурой. В истории остались кадры из фильма «Мне двадцать лет» Марлена Хуциева, где на вечере поэзии в Политехническом музее Михаил Светлов под искренние аплодисменты читает стихи вместе с кумирами молодёжи тех лет: Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной. Его пронизанные горечью (в духе Омара Хайяма) остроты разлетались по Москве, превращались в фольклор. Светлов медленно умирал от рака лёгких, но даже это было темой его шуточных высказываний. «Лишь немногие, – писала в воспоминаниях о Михаиле Светлове поэтесса Татьяна Кузовлёва, – близкие друзья догадывались, что за ироничностью поэта скрывались его ранимость и невероятная скромность. Пряталось внутреннее одиночество, которое знакомо каждому поэту. Его отзывчивость на чужие беды не была показушной: однажды заметил, как стоптаны туфли у очень скромной и тихой буфетчицы в Пёстром зале ЦДЛ, в котором он был завсегдатаем, – и молча отдал ей гонорар, чтобы она купила себе новые». И ещё одна цитата из этих воспоминаний: «Он не лез в отличники, но его вклад в поэзию был куда значительнее иных советских «пятёрочников» поэтического цеха: в то закрытое время он открыто помогал читателям стать искреннее и щедрее к людям, бережнее относиться к своим и чужим чувствам. Помогал стать человечнее...».

В 1967 году Михаил Светлов был посмертно удостоен Ленинской премии по литературе.

Похоронен поэт на Новодевичьем кладбище в Москве.

Исаак Бабель: Отложенный приговор

Исаак Бабель (12 июля 1894 – 27 января 1940) привнёс в русскую советскую литературу густую терпкость еврейского фольклора, библейское отношение к жизни и смерти, избыточную метафору как средство предельного «обострения» текста. «Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами». Предметом исследования писателя (цикл рассказов «Конармия») был человек за пределами общепринятых представлений о жестокости и милосердии, добре и зле. Если герои Достоевского (Раскольников, Ставрогин,

Иван Карамазов) «научно» и единично отпадали от Бога, Бабель в «Конармии» показал отпавший от Бога народ, которому революция и Гражданская война позволили «всё». И народ, без лишних переживаний и внутренних терзаний: «Интернационал кушают с порохом и приправляют лучшей кровью», воспользовался этим правом, легко и естественно перешёл черту, отделяющую человека от зверя.

Такой взгляд на революцию и Гражданской войну, естественно, не мог понравиться руководителям советского государства. В «Конармии» не было ни одного положительного героя. С критикой Бабеля выступили Будённый, Ворошилов и сам Сталин. Писателю был вынесен отложенный смертный приговор.

Бабель был одним из виднейших представителей «южной», некоторые литературоведы называют её «одесской», литературной школы. Помимо него к ней относят Багрицкого, Катаева, Олешу, Ильфа и Петрова, Паустовского. Это была литература, менявшая общепринятые стандарты русского языка, вводящая в обиход новых героев типа бандита Бени Крика из «Одесских рассказов» Бабеля и «великого комбинатора» Остапа Бендера из романов Ильфа и Петрова.

Горький, ещё до революции опубликовавший в журнале «Летопись» рассказы Бабеля, считал его романтиком. Наверное, он был прав. Но есть две большие разницы между исполненной юмора, мудрости и симпатии к героям романтикой «Одесских рассказов» и кровавой (на грани патологии) романтикой «Конармии». Творчество Бабеля – ярко расцветшая ветвь еврейской литературной традиции на рассечённом «молнией» революции кровоточащем древе русской словесности. Тут и несвойственная классической русской литературе физиологичность образов: «Голубые дороги текли мимо меня, как струи молока, брызжущие из многих грудей». И специфическое отношение к Иисусу Христу: «Тогда Иисус, видя томление женщины, жаждавшей мужа и боявшейся его, возложил на себя одежду новобрачного и, полный сострадания, соединился с Деборой, лежавшей в блевотине». Эту тему, кстати, очень талантливо продолжил современный молодой писатель Олег Зоберн в недавно опубликованном романе об Иисусе Христе.

Жизнь Бабеля полна тайн и странностей. В 1918 году он был штатным сотрудником ЧК, всю жизнь крутился вокруг «расстрельных» вождей: Ягоды, Ежова. Неоднократно мог эмигрировать (его надолго отпускали за границу), но почему-то этого не сделал. По свидетельству современников, был «умнейшим человеком», но до последнего надеялся «переиграть» карательную машину. Узнав в тюрьме о заключении пакта Молотова – Риббентропа, сказал: «Теперь меня точно расстреляют». На суде просил сохранить ему жизнь, чтобы «завершить начатые произведения».

Бабель, как и многие писатели и поэты того времени, пережил очарование насилием как методом решения любых социальных (и не только) проблем. Лучше всех это сформулировал Есенин: «Розу белую с чёрною жабой // Я хотел на земле повенчать...» Но этот «брак» невозможен. Революцию можно уподобить источнику света, на который, как бабочки, летят люди искусства. Им кажется, что этот свет рассеет вечную и злую тьму. Итог, как правило, один:

отложенный приговор и произведения, открывающие (часто помимо воли авторов) истинную природу революционного «света». Такие, как «Конармия».

Валентин Катаев: Теория отражённого света

Классик советской литературы Валентин Катаев воплощал в себе манихейскую сущность времени, в котором ему выпало жить и творить. Одни писатели (Шолохов, Фадеев, Гайдар, Леонов, Федин), единожды сделав выбор в пользу советской власти, оставались ему всю жизнь верны. Другие (Булгаков, Пастернак, Ахматова), сохраняя личное достоинство и уважение к собственному таланту, вступали с властью в конфликт. Катаев же превыше верности любым идеалам в жизни и творчестве ставил личный интерес. Он был точкой преломления и отражения слепящего света великой эпохи в его произведениях.

В двадцатых годах интерес заключался в том, чтобы отмазаться от тёмного, с большевистской точки зрения, прошлого (он то ли служил, то ли не служил в Добровольческой армии Деникина, то ли участвовал, то ли не участвовал в белогвардейском заговоре в Одессе). Во время нэпа – в зарабатывании денег (повесть «Растратчики», пьесы, сугубо коммерческий подход к литературному труду, неожиданным плодом которого явились бессмертные «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» несостоявшихся катаевских литературных «негров» Ильфа и Петрова). В тридцатые – в сочинении агиток типа «Время вперёд!» и «Я – сын трудового народа». Дальше и до самой смерти – в относительно спокойной и сытой жизни с орденами, премиями в заповеднике соцреализма, щедро омываемом доходами от революционной тетралогии «Волны Чёрного моря», ленинской «Маленькой железной двери в стене» и прочих идеологически выдержанных произведений, среди которых попадались истинные шедевры, например, детская сказка «Цветик-семицветик».

В заповеднике соцреализма Катаев всегда держался ближе к ограде, верхним чутьём угадывая состояние проволоки. Она только начала провисать, а он уже вырвался на свободу, исторг из своей души ту самую многократно воспетую им «вечную весну», которая, как последняя (к литературе) любовь преобразила на склоне лет его творчество, открыла нового блистательного писателя мирового уровня. «Трава забвения», «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер» изумили тогдашнего читателя недопустимой прежде в советской литературе раскованностью, свободой и какой-то самовлюблённой отвязанностью от привычных канонов.

До сих пор критики и литературоведы спорят, был ли Катаев в советской литературе «чужим» среди «своих»? Вероятно, да, но с каким-то изломом. Он (когда это стало безопасно) объявил себя дворянином и белым офицером, но при этом всю жизнь говорил с сильным еврейским (одесским) акцентом. Пользовался всеми благами и преференциями официального советского классика, но не лез в политику, а если вынуждали, писал передовицы в новогодний (1953 года) «Огонёк» – «За великого Сталина!». Был прекрасно образованным, великолепно знающим литературу и философию человеком, но ещё Осип Мандельштам отмечал в нём некий «бандитский шик», а другие совре-

менники – наглость и хамство. Бунин же вообще считал Катаева пропащим в моральном смысле человеком.

Да, «вечная весна» преобразила позднее творчество Катаева, но не изменила его сущности. «Алмазный мой венец» светит отражённым светом трагических судеб представленных в нём персонажей, заживо сгоревших в огне жестокого времени. Катаев, как алхимик, сотворил из их жизни и творчества свою личную версию. Она, подобно слепящему и искрящемуся бенгальскому огню, заморозила читателя, отвлекла его внимание от самовольной установки автором собственного нерукотворного памятника в пантеоне волшебных изваяний «безумного скульптора Брунсвика». Но если Маяковский, Есенин, Булгаков, Бабель и прочие сделаны из природного «мрамора» высшей пробы, Катаев – из добротного, но искусственного материала, всего лишь отражающего их свет. Следует отметить, что у писателя хватило мужества это признать, пусть и в ассоциативной форме.

Он был создателем и первым редактором журнала «Юность», где мне в своё время довелось работать. Катаев – духовный отец «исповедальной прозы», представленной на страницах журнала именами Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина. За несколько лет он сделал журнал самым тиражным и популярным в стране. Многолетняя заведующая отделом прозы в «Юности» Мери Лазаревна Озерова рассказывала мне, что, надумав печатать роман «Хуторок в степи» в журнале, Катаев отдал ей в конце рабочего дня рукопись. А на следующий день вызвал её и спросил, понравился ли ей роман? Она ответила, что ещё не приступила к чтению. Как же так, искренне удивился и даже обиделся Катаев, неужели вам не интересно, что я написал?

В отношении писательского ремесла он никогда не был циником.

Лев Кассиль: Правила игры

Лев Кассиль (10 июля 1905 – 21 июня 1970) был одним из столпов советской детской литературы, творцом педагогической «матрицы» для юного гражданина СССР. При этом следует отметить, что в своих программных сочинениях он не налегал на идеологическую составляющую матрицы – не воспевал «подвиг» Павлика Морозова, не призывал, как Аркадий Гайдар, пионеров к поиску шпионов и бдительности, или, как Сергей Михалков – к искоренению отдельных бытовых недостатков. Кассиль делал упор на просвещение, науку и спорт, то есть ориентировал юных читателей на то лучшее, что могла им дать (и охотно давала!) советская власть.

Детская литература в СССР жила не столько «вечными сюжетами», сколько пафосом «альтернативной реальности», где добро неизменно побеждало зло, взрослые (за редким исключением) оказывались мудрыми защитниками и наставниками, смелость и отвага были нормой жизни, конечному торжеству справедливости не могли помешать никакие временные трудности и обстоятельства. Лучшие произведения Льва Кассиля, Лазаря Лагина, Валентины Осевой, Леонида Пантелеева, Николая Носова оказывались в точно рассчитанном «резонансе» с искренним и незамутнённым детским восприятием жизни. Образы Чкалова и полярников, пионеров-героев и юных покорителей целины

легко и естественно входили в сознание читателей, побуждая их к подвигам, созиданию, полезным для общества и государства делам, но никак не к изучению имущественной, денежной, материальной стороны бытия. Думается, отчасти поэтому разграбление общенародной собственности и приватизация в России прошли, при, скажем так, сонном непротивлении народа. Советские люди были уверены, что государство не сможет их обмануть. Это была игра не по правилам.

Проверку временем выдержали не все произведения классиков. Роман Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», фрагменты которого с подачи Маяковского были опубликованы в 1927 году в журнале «Новый ЛЕФ», остался в истории русской литературы не из-за красот придуманной героями волшебной-романтической страны Швамбрания, а из-за талантливого описания трагического раздвоения детских душ Лёльки и Оськи (Льва Кассиля и его брата) между «уходящей натурой» старого, уютного и сытного мира («фунт сахара стоил пятнадцать копеек»), и «наступающей натурой» мира нового и страшного. Хотя, конечно, автор всеми силами пытался пригладить священный, то есть превосходящий волю и намерения творца («асбестос геллос» в терминологии античной драматургии) ужас от того, что происходило в России в предреволюционные и революционные годы. Швамбрания для героев романа стала укрытием от «жестокой справедливости революции», голода, тифа, мобилизаций и грабежей. В итоге прекрасная Швамбрания, как и СССР через семьдесят с лишним лет, надорвалась «в поисках единой всеобщей истины».

Роман Кассиля, несмотря на то, что его трудно отнести к чисто детской литературе, явился для неё «моментом истины». Тема детей, проживающих альтернативную жизнь в вымышленном государстве, стала с подачи Кассиля «книгообразующей»: это и «Республика ШКИД» Пантелеева и Белых, и «Президент Каменного острова» Вильяма Козлова, и «Повесть об Атлантиде» Юрия Томина, и многие другие произведения.

Язык, образность («Театр в то время походил на вокзал. Спектакли опаздывали, как поезда»), сюжет и философско-психологическая насыщенность «Кондуита и Швамбрании» значительно превосходят по своему уровню последующие творения Льва Кассиля – романы «Вратарь Республики», «Ход белой королевы», сборники «Человек, шагнувший к звёздам», «Про жизнь совсем хорошую» и т. д.

Сам же Лев Кассиль прожил яркую, хотя и не очень длинную жизнь. Он уцелел в годы «большого террора», когда был расстрелян его брат – второй главный герой «Кондуита и Швамбрании» Оська, перетерпел двадцатилетний запрет на переиздание романа. Стал лауреатом Сталинской премии и академиком Академии Педагогических наук. Всю жизнь Кассиль следовал мудрому совету Маяковского: «Не отворачивайся от газеты, Кассильчик!». Он был превосходным журналистом, знатоком и пропагандистом спорта и здорового образа жизни. Увлечением всей его жизни стал футбол. В понимании тонкостей и глубинной сущности этой игры сравниться с ним не могли даже признанные профессионалы.

«...Играть интересно только в то, чего сейчас нет», – заметил Кассиль в одном из своих интервью. Он мог бы, наверное, добавить, что когда слишком

долго играешь в то, чего нет, начинаешь верить, что у этой игры есть правила. Это применимо как к творчеству, так и к жизни писателя.

Константин Паустовский: Золотая телеграмма

Родившийся в конце девятнадцатого века и не доживший месяца с небольшим до ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года (он бы точно не одобрил) Константин Паустовский был писателем чувства. Это было не то религиозное мистическое чувство, какое сжигало Достоевского, возносило в горние учительские выси Льва Толстого. Достоевский видел Россию из сумеречного угла православной души. Чего стоят откровения его Великого инквизитора, или разговоры Ивана Карамазова со Смердяковым. Толстой смотрел на Россию из некоего идеального космоса, где люди неустанно самосовершенствуются, где крепчает в смирении и непротивлении злу мысль народная. Любый читатель навскидку назовёт десяток персонажей Достоевского и Толстого, но (скорее всего) не вспомнит ни одного героя Паустовского. И это не потому, что Паустовский скучный или плохой писатель. Он великолепный стилист, блистательный мастер слова. Вот только жизнь (три революции, Гражданская война, голод, коллективизация, Великая Отечественная война, быстро подмороженная хрущёвская «оттепель», ранний брежневский «застой») настолько «выездила» писателя, что он, как рыба в глубину, ушёл в природу, в бесконечные странствия, в глухие леса Мещёры, в преподавательскую работу, в уединённую жизнь уставшего от людей человека. «Я сбежал из Москвы, сбежал от чужих рукописей, от настойчивых авторов. От Литературного института и всего прочего, чтобы хотя месяц поработать в относительном покое», – писал Паустовский Вениамину Каверину. Такого рода писем за свою жизнь он написал немало.

Предками Паустовского были турки, поляки, испуганно ненавидевшие Российскую империю, неоднократно против неё восстававшие. Бабушка учила его говорить на польском языке, водила в костёл, приучала к католичеству. Детство и юность писатель провёл на Украине. Первые рассказы опубликовал в киевских литературных журналах. После революции жил в Одессе. Вместе с Катаевым, Ильфом, Бабелем, Олешей считался представителем знаменитой одесской литературной школы. Но был сдержан, держал коллег на расстоянии. Паустовского нет в знаменитых мемуарах Катаева «Алмазный мой венец». Зато сам Паустовский тоже написал интересные заметки о Бабеле и Олеше.

Душу Паустовский открывал только женщинам. Вот как он, будучи уже далеко не молодым человеком, писал своей третьей жене Татьяне Арбузовой: «Нежность, единственный мой человек, клянусь жизнью, что такой любви (без хвастовства) не было ещё на свете. Не было и не будет, вся остальная любовь – чепуха и бред. Пусть спокойно и счастливо бьётся твоё сердце, моё сердце! Мы все будем счастливы, все! Я знаю и верю...». Так мог писать Данте о Беатриче, или Петрарка о Лауре. Паустовский вообще считал, что женщины лучше понимают искусство, потому что живут чувствами. Здесь он не ошибался. Фотография Марлен Дитрих в напоминающем рыбку чешую узком платье, преклонившей колени перед похожим на седого орла классиком, обошла в своё время

мировую прессу. Германская дива была восхищена прочитанным в переводе на английский язык рассказом Паустовского «Телеграмма» и, выступая в Москве с концертами, всё время спрашивала, где этот замечательный писатель. Что такого она обнаружила в достаточно скромном и далёком от европейских реалий рассказе, остаётся только гадать. Скорее всего, нечто глубинное, личное. Кстати, и термин «глубинный народ» Паустовский использовал задолго до нынешних политологов, правда не в экзистенциальном, а сугубо бытовом (речь шла о торговле на базаре) смысле. А ещё он использовал это слово в заметках о живописи художника Николая Ромадина: «Всё сказанное о поэзии наших провинциальных городов (их можно назвать «глубинными», но никак не «периферийными»; это чуждая нашему языку иностранщина) имеет непосредственное отношение к пейзажу Ромадина. Стоит выйти за околицу любого такого городка, чтобы погрузиться в этот пейзаж».

Престарелый писатель ради встречи с неожиданной поклонницей в сопровождении лечащего врача вырвался из больницы. Увидев своего кумира, Дитрих (она с юмором писала об этом в воспоминаниях) сделала первое, что пришло ей в голову – опустила на колени. А вот самостоятельно подняться не смогла, платье было слишком узким. Растерянный, похожий на седого орла Паустовский бросился поднимать, не реагируя на крик доктора: «Вам надо в постель!». Зато отреагировали зрители (дело было на сцене ЦДЛ) и сама Марлен Дитрих. Позже она старательно перечитала другие произведения Паустовского, особо отметив «Повесть о жизни». Знаменитая актриса и певица посетовала, что русского классика недостаточно знают и переводят в Европе.

После ужасов революции и скитаний по вздыбленной, «кровью умытой», как писал Артём Весёлый, России в творчестве Константина Паустовского произошло концептуальное раздвоение: он всей душой полюбил природу – моря, горы, леса, пустыни и солончаки СССР, но не принял форму его социального устройства. Паустовский любил места, где не было людей. Он «эмигрировал» в «Кара-Бугаз» (название одного из его романов), на Кавказ, в яркие воспоминания о прожитом – многотомная эпопея «Повесть о жизни». Поэзия странствий в его прозе уводила на второй план социальную, общественную сторону жизни. Паустовский любил природу сильнее, чем её преобразователя – советского человека.

Он, как художник красками, рисовал мир чувствами. «Раненые замолчали. Я поднял суровую полотняную занавеску и увидел за окном осеннюю северную Россию. Она туманно золотилась до самого горизонта берёзовыми рощами, пажитями, безыменными извилистыми реками. Поезд мчался, обволакивая паром сторожевые будки. Я никогда ещё не видел такой осени, такой ясности небес, ломкости воздуха, серебристого блеска от волокон паутины, оврагов, поросших красным щавелем, прудов, где просвечивает сквозь воду песчаное дно, сияния мгlistых далей, нежной гряды облаков, застывших во влажной поутру небесной голубизне...» Так он, прошедший две войны (Первую мировую медбратом в санитарном поезде, Великую Отечественную – фронтовым корреспондентом) описывал Родину-мать, которая доставила ему столько мучений и горя. «Боже, – писал он в начале двадцатых годов в дневнике, – до чего Ты довёл Россию... В последних истоках мутного света сослепу тычется,

ища чёрствую корку, громадный умирающий народ. Чувство головокружения и тошноты стало всенародным. И больше умирают от этой душевной тошноты, тоски и одиночества, чем от голода и сывняка». Но Родина же и исцеляла мятущуюся душу писателя своей неизбывной божественной красотой. Восхищение совершенством Божьего мира и отчаянье от разрушающего этот мир человеческого несовершенства станут скрытыми пружинами творчества Константина Паустовского.

Он, хоть и получал ордена, много публиковался, ухитрился практически ничего не написать о Сталине и величии КПСС. Иван Соколов-Микитов в письмах, правда, критиковал Паустовского за то, что тот выбрал безопасный, «медоносный» путь в литературе, то есть писал в основном о природе и красотах окружающего мира, а не о страдании, мечтах и надеждах существующих в этом мире людей.

Это было так и не так. Ранний роман о Первой мировой войне «Романтики» по внутреннему напряжению и кристальности стиля ничем не уступает романам Олдингтона «Смерть героя» и Хемингуэя «Прощай, оружие». Не менее интересны и тома «Повести о жизни» – своеобразной летописи эпохи. Редколлегия журнала «Новый мир» была неправа, посетовав Паустовскому на монотонность и вялость последних глав «Повести...». Писатель обиделся. Он творил для вечности, а разгорячённые идейной борьбой либеральные «новомирцы» ждали от него публицистическую «злобу дня». Паустовский не боялся «злости дня», но опять-таки передавал её через чувства. Как удивительно точно и выпукло описал он свой страх в одной из глав «Повести...» о Грузии, когда в его гостиничный номер через люк в потолке пытался проникнуть сумасшедший маньяк, явно собиравшийся (без малейших на то причин – вот что потрясло автора!) его убить. Паустовский умел транслировать малейшие нюансы человеческих переживаний, но только не социальный или политический пафос. Если надо было за кого-нибудь заступиться, к примеру, за главного режиссёра Театра на Таганке Юрия Любимова, он предельно просто (запись телефонного разговора сохранилась) объяснил ситуацию тогдашнему советскому премьеру Косыгину: «С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности страны. Если вы снимете Любимова, распадётся театр, погибнет большое дело».

Паустовский долгие годы преподавал в Литературном институте, учил писательскому мастерству Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Юрия Трифонова, Владимира Тендрякова, других ставших известными и популярными литераторов. Стиль Паустовского ощущается в романе Трифонова «Утоление жажды», в описаниях природы у Юрия Бондарева, в прозе Владимира Тендрякова. Результатом его педагогической деятельности стали заметки о сущности и смысле писательского труда – «Золотая роза».

Паустовский – один из немногих известных писателей, не подвергшихся репрессиям в советское время, но получивший мировое признание. Он был трижды номинирован на Нобелевскую премию. В первый раз ему перешёл дорогу Шолохов. Председатель Нобелевского комитета будто бы позже сказал Паустовскому: «Я и король голосовали за вас». Во второй – эксперты засомневались в психологической глубине и критических (мало ругал советскую

действительность) мотивах в его творчестве, в третий – помешала смерть.

В годы «оттепели» Паустовский однозначно примкнул к либеральному лагерю творческой интеллигенции, подписывал письма Брежневу против реабилитации Сталина, выступал в защиту Даниэля и Синявского, Солженицына. Составленный им литературный альманах «Тарусские страницы», куда он включил таких полузапретных авторов, как Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Юрий Казаков, Надежда Мандельштам, вызвал гнев партийного руководства. Часть тиража пустили под нож, но в истории советской литературы альманах остался, наряду с «Одним днём Ивана Денисовича», символом краткого периода послесталинского свободомыслия.

«Трещали и рушились миры... Таковы были первые уроки революции. Такова была первая встреча русской интеллигенции лицом к лицу с её идеалами. Это была горькая чаша. Она не миновала никого. Сильные духом выпили её и остались с народом, слабые – или выродились, или погибли», – писал Паустовский в «Повести о жизни». Можно спорить, остался или нет Паустовский с народом. Но невозможно спорить с тем, что он выпил свою «горькую чашу» и не утратил силу духа, сохранив посланную ему Богом золотую телеграмму таланта.

Самуил Маршак: Не по заказу, а по любви

Самуил Маршак по праву считается классиком советской литературы, прекрасным переводчиком, автором любимых читателями всех возрастов детских стихов. Сочинять, как признавался Маршак в воспоминаниях, он начал раньше, чем научился читать. Жизнь евреев в России в то время регламентировалась разного рода, иногда оскорбительными, ограничениями, поэтому юному Маршаку пришлось прилагать немало усилий и прибегать к помощи влиятельных людей, чтобы получить хорошее образование за пределами черты оседлости. Приехав на каникулы в Петербург, где обосновался и устроился на работу его отец, Маршак свёл знакомство со знаменитым критиком и искусствоведам Стасовым. Тот помог начинающему поэту перевестись в престижную столичную гимназию, одну из немногих, где преподавали древние языки. «Познакомившись с моими стихами, Владимир Васильевич подарил мне целую библиотечку классиков, – вспоминал позже Маршак, – а во время наших встреч много рассказывал о своём знакомстве с Глинкой, Тургеневым, Герценом, Гончаровым, Львом Толстым, Мусоргским. Стасов был для меня как бы мостом чуть ли не в пушкинскую эпоху».

Дом Стасова был в начале двадцатого века «местом силы» русской интеллигенции, где встречались, спорили, делились планами писатели, профессора словесности, композиторы, художники. Маршак познакомился здесь с Фёдором Шаляпиным и Максимом Горьким. На даче Пешковых в Ялте молодой поэт потом прожил целый год. После революции 1905 года Горький, опасаясь репрессий, выехал с семьёй за границу. Маршак вернулся в Петербург. Дружба с Горьким во многом определила его последующую жизнь.

В первое десятилетие двадцатого века Маршак много путешествовал. Это

было время обострённого внимания общества к «еврейскому вопросу» (публикация «Протоколов сионских мудрецов», дело Бейлиса). В 1904-м умер считавшийся родоначальником и теоретиком сионизма Теодор Герцель. Маршак откликнулся на это событие пафосным стихотворением «Над открытой могилой», а спустя три года издал сборник стихов «Синода». В 1911-м году Маршак с группой еврейской молодёжи посетил Иерусалим и Палестину. «Дед приехал сюда в 24-летнем возрасте с другом, поэтом Яковом Годиным, – писал живущий в Израиле внук поэта Алексей Сперанский-Маршак. – Они исходили тогдашнюю Сирию и Палестину, жили в палаточном городке. Он направлял в Петербург, в журнал «Рассвет», свои путевые очерки и писал много стихов, в основном лирических». В той поездке Маршак познакомился с будущей женой Софьей Михайловной Мильвидской. Вернувшись в Россию, они поженились, после чего отбыли на два года учиться в Англию. Маршак вспоминал, что «...пожалуй, больше всего подружила меня с английской поэзией университетская библиотека. В тесных, сплошь заставленных шкапами комнатах, откуда открывался вид на деловитую, кишевшую баржами и пароходами Темзу, я впервые узнал то, что переводил впоследствии, – сонеты Шекспира, стихи Вильяма Блейка, Роберта Бёрнса, Джона Китса, Роберта Браунинга, Киплинга». В Англии Маршак изучал местный фольклор и баллады. «Переводил, – как потом признавался, – не по заказу, а по любви – так же, как писал собственные лирические стихи».

После революции в двадцатые-тридцатые годы он руководил детскими литературными журналами «Воробей», «Новый Робинзон». У Маршака был редакторский нюх на таланты. Он привлёк к сотрудничеству таких ярких и самобытных авторов, как Борис Житков, Виталий Бианки, Евгений Шварц. Позже Маршак вместе с Горьким основал первое в СССР издательство детской литературы «Детиздат». Литературой для детей Маршак занимался не только по призванию, но и по здравому размышлению. Его не мог не тревожить собственный, терпимый в двадцатых, но опасный для тридцатых годов background юношеского увлечения идеями сионизма. «Отсидеться» за обложками детских книг в роковые тридцатые не удалось. Многие сотрудники «Детиздата» были арестованы, самому поэту пришлось спешно перебраться из Ленинграда в Москву. Переводы классической поэзии в тревожные предвоенные годы стали для Маршака своего рода убежищем, а для советских читателей – мостом в мировую культуру. В переложении сонетов Шекспира, стихотворений Роберта Бёрнса Маршак достиг подлинного совершенства. Кстати, и автор «Чиполлино» Джанни Родари стал известен в СССР после того, как Маршак перевёл на русский язык его стихи о том, как важно учиться ремеслу, быть честным, приносить пользу людям. Они были опубликованы ещё при жизни Сталина.

Отец народов благосклонно относился к поэту, ценил его стихотворные подписи к карикатурам на фашистов и политические памфлеты. За них в 1942 году Самуил Маршак получил первую Сталинскую премию. У вождя было двойственное отношение к деятелям культуры еврейской национальности. Он был внимателен к ним в годы войны (собирали в США пожертвования на советскую армию) и – когда создалось государство Израиль. Но это го-

сударство не оправдало надежд Сталина. Грянула борьба с космополитизмом. К счастью, она не затронула Маршака, в отличие от Переца Маркиша, Льва Квитко и других членов ЕАК (Еврейского антифашистского комитета).

В годы «оттепели» Маршак вместе с Ильёй Эренбургом, Александром Твардовским, Константином Паустовским, Вениамином Кавериным выступал за «социализм с человеческим лицом» и «демократизацию нашей жизни», как писали тогда прогрессивные публицисты. В эти годы он вновь посетил Англию и другие страны. В дни, когда решался вопрос давать или не давать Ленинскую премию по литературе Александру Солженицыну за повесть «Один день Ивана Денисовича», Маршак выступил «за», опубликовав одобрительную рецензию в «Правде». Но это не помогло.

Маршак умер в июле 1964 года, не дожив месяца с небольшим до свержения Хрущёва и конца эпохи «оттепели». Он ушёл из жизни как признанный классик советской литературы, лауреат нескольких Сталинских и Ленинской (1962 год) премий. Заслуги Маршака признавались и в других странах. За переводы он был удостоен звания Почётного гражданина Шотландии. Незадолго до смерти, ссылаясь на многолетнее заболевание лёгких, Маршак просил у ЦК разрешения на долгую поездку в солнечную и тёплую Италию, но партийное руководство посчитало это нецелесообразным.

При всём уважении к большому поэту всё же следует отметить, что в авторской лирике Самуил Маршак был не так силён, как в стихах для детей и переводах. Хотя и там встречаются пронзительные, выстраданные строки: «Когда, как тёмная вода,/ Лихая, лютая беда/ Была тебе по грудь,/ Ты, не склоняя головы,/ Смотрела в прорезь синева/ и продолжала путь/». Ну а переводы сонетов Шекспира, лирики Бёрнса, детские стихи – «Дом, который построил Джек», «Вот какой рассеянный», «Мистер-Твистер», «Дама сдавала в багаж», «Где обедал воробей» и многие другие, читают и будут читать взрослые и дети, пока жива поэзия и издаются книги.

Валентин Распутин: Уроки правды

Валентин Распутин родился в марте 1937 года, а умер в марте 2015-го. Его земляки, ссылаясь на разницу во времени между Москвой и Иркутском, утверждают, что Распутин родился и умер в один и тот же мартовский день. Как и другие писатели-деревенщики (хотя его творчество выходит далеко за рамки этого литературного направления) Распутин пришёл к выводу, что советский социализм, несмотря на все свои недостатки, больше подходил для России, чем сменивший его «периферийный» олигархический капитализм. По мнению писателя, этот капитализм совершенно не учитывал вековую психологию и трудовую мотивацию народа. В своей публицистике и поздних рассказах Распутин объяснял, что в русском сознании, наверное, со времени отмены крепостного права и промышленной революции второй половины XIX века поселилась ненависть к тем, кто (по Марксу и Ленину) наживается на чужом труде, присваивает себе то, что создано руками народа. Кто одним своим существованием (дворцы, яхты, миллиарды, семья за границей и т. д.) оскорбляет народные представления о справедливости как мере всех вещей.

Уже в первом значительном произведении «Деньги для Марии» Распутин показал, как уродуют и калечат деньги души «малых сих». Правоверная советская литературная критика поначалу не одобрила и его повесть «Живи и помни». Симпатичные человеческие черты в образе скрывающегося от фронта в бане дезертира показались ей совершенно неуместными. Как и переживания старухи Анны в «Прощании с Матёрой». Страна строила каскады гидроэлектростанций, а тут плач по какой-то затопленной деревне. Перестроечный «Пожар» тоже не обрадовал тогдашнюю, увлечённую «новым мышлением», партийную элиту, точь-в-точь как герои повести деятельно включившуюся вскоре в разграбление имущества объятого перестроечным пожаром СССР.

Распутин – наследник отрицающей капитализм русской литературы. О «свинцовых мерзостях» этого строя писали: Толстой, Достоевский, Чехов, Гаршин, Решетников, Успенский, Лесков, Некрасов, Горький. В тогдашней литературе сложилось настоящее антикапиталистическое, антинигилистическое направление. Классики показывали, как низовая Россия, ментально и экономически не воспринимающая капитализм как хозяйственную систему, а либерализм как основу общественных отношений, по воле верхов чахнет от язв капитализма и либерализма. Помимо этого, в либерализме они обнаруживали мощнейшую антинациональную направленность. Валентин Распутин, как мог, продолжал в своём творчестве эти традиции. Он с редкой художественной убедительностью выражал мысли зажатых русских низов о правде, справедливости, неудовлетворённости существующими реалиями. Его, вынужденно воздавая официальные почести, не любили ни советская, ни постсоветская власть. Он часто с горечью повторял, что народ и власть живут в разных мирах. Для всех, кто его знал, Распутин всегда был незабываемым моральным авторитетом, много сделавшим для сохранения русской культуры и русской (озеро Байкал) природы. Творческое наследие писателя невелико, но лучшие его произведения: «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Уроки французского», «Что передать вороне?» останутся с нами навсегда.

Борис Полевой: Дирижабль из советского ангара

Борис Полевой – классик советской литературы, многолетний редактор популярного журнала «Юность» – родился в Твери и всю жизнь был связан со своей малой родиной. Из Твери были его заместитель по журналу – комсомольский работник и поэт Андрей Дементьев, ответственный секретарь – журналист и будущий редактор журнала «Крокодил» Алексей Пьянов. Себя и земляков Полевой, посмеиваясь, звал в редакции «тверскими козлами». Начал Борис Полевой (настоящая его фамилия Кампов) как краевед-бытописатель. Сборник «Мемуары вшивого человека» заметил Максим Горький, открыв юному автору путь в литературу. Перебравшись в Москву, Полевой довольно быстро встроился в мейнстрим соцреализма, издав в 1939 году книгу «Горячий цех», отмеченную критикой тех лет, как «добротный рассказ о трудовых подвигах советских людей, о формировании в процессе труда духовного и морального облика советского человека». Собственно, в эту формулировку укладывается всё последующее творчество лауреата многих премий, орденосца,

Героя Социалистического Труда Бориса Полевого: романы «Золото», «Доктор Вера», «На диком берегу». Всесоюзную славу ему принесла написанная в 1946 году «Повесть о настоящем человеке». Образ потерявшего ноги, но вернувшегося в строй героя-лётчика Алексея Маресьева превратился в один из главных символов советского патриотизма. Знаменитая фраза: «Но ты же советский человек!» долгое время была едва ли не ключевой в воспитательной работе советской пропаганды. В семидесятые-восемидесятые годы она переместилась в сферу (по Бахтину) смеховой народной культуры. Это чётко уловил системный «разрушитель» советских мифов Виктор Пелевин, описавший в романе «Омон Ра» военное авиационное училище, где курсантам в массовом порядке ампутируют ноги и заставляют танцевать на протезах «Барыню».

В повседневной жизни Борис Полевой был простым и демократичным человеком: обедал вместе с коллективом редакции в подвальной столовой комплекса издательства «Правды», любил крепкое словцо, понимал юмор и никогда не налегал на идеологию, с одной стороны понимая её условность, с другой – будучи в глубине души ей искренне преданным. Журнал «Юность» считался либеральным, в нём печатались Василий Аксёнов, Анатолий Гладилин, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, но Борис Полевой потратил много сил и энергии, чтобы довести до ума и опубликовать отвергнутую другими журналами повесть шахтёра из Донбасса Владислава Титова «Всем смертям назло!». После взрыва в шахте Титов стал инвалидом (сильнейшие ожоги и ампутация рук), но нашёл в себе мужество победить депрессию, запечатлеть на бумаге пережитое необычным способом – зажав карандаш в зубах. Можно только догадываться, каких трудов и мучений это ему стоило. Про другую повесть – о вольной жизни детей советской элиты «Молодые дирижабли» Карена Шахназарова (в редакции сомневались: печатать – не печатать, всё-таки сын большого партийного начальника) Полевой твёрдо сказал: «Эти дирижабли не для нашего ангара». Он имел в виду журнал, но можно было брать шире: советского ангара.

Было бы несправедливо «сдавать в утиль» всё творчество Бориса Полевого. Он прошёл войну корреспондентом «Правды» (двухтомник «Эти четыре года»), освещал Нюрнбергский процесс, как многолетний председатель советского Фонда мира встречался со многими выдающимися деятелями своей эпохи (сборник воспоминаний «Силуэты»). Сегодня «Повесть о настоящем человеке» вернулась в школьную программу. Дирижабль из советского литературного ангара вновь оказался востребованным.

Корней Чуковский: На именинах у «Тараканище»

Всесоюзный «дедушка» Корней Иванович Чуковский слыл обаятельным и душевным собеседником, но не любил приходивших к нему на дачу в Переделкино без предварительной договорённости посетителей, главным образом искренних почитателей его таланта. Засекал время, а потом горестно вздыхал: «Украла два часа жизни!» – вспоминала известная писательница Наталия Ильина. Особенно обидело её, что Чуковский и не подумал пригласить её к столу, где горничная как раз расставляла тарелки и нарезала колбасу. Он во-

все не был добрым и ласковым сказочником, каким кажется на многочисленных архивных фотографиях. Обожал детей, но после того, как они уходили, долго был мрачен – вспоминал рано умершую дочь, легендарную Мурочку. Разобранные поколениями советских людей на цитаты «Муха-цокотуха», «Мойдодыр», «Бибигон», «Федорино горе» и прочие гениальные стихи сочинялись им в минуты отчаянья. Любимая дочь уходила (у неё была неизлечимая форма туберкулёза), а он не мог ей помочь ничем, кроме стихов. С детьми у Чуковского вообще были большие проблемы. До сих пор исследователи по-разному трактуют его письмо Сталину (1943 год), где поэт призывает строго наказывать и изолировать от общества малолетних хулиганов. Одни полагают, что таким образом Чуковский хотел оградить нормальных (здоровое большинство) детей от зловредного влияния. Другие – что он ненавидел распущенность и хамство, и таким образом предупреждал вождя, что дети – вовсе не «цветы жизни», а юные граждане, которые, как и взрослые, должны уважать закон и порядок. После смерти Мурочки Чуковский перестал сочинять весёлые стихи, переквалифицировался в пытливого детского психолога, написал знаменитую книгу «От двух до пяти».

Происхождение (мать – русская женщина из народа, отец – богатый еврей), связанные с незаконнорождённостью моральные издержки и социальные ограничения сделали из Корнея Чуковского (Николая Корнейчукова) космополита, гражданина мира. Он выучил по самоучителю английский язык, работал корреспондентом одесской газеты в Англии, полюбил эту страну, охотно переводил англоязычных поэтов. Вернувшись в конце 1904 года из Англии, Чуковский перебирается в Петербург, где, вдохновлённый революционными событиями, начинает издавать сатирический журнал «Сигнал». В журнале публиковались: Александр Куприн, Надежда Тэффи, Фёдор Сологуб. Вышло всего три номера. Четвёртый был остановлен цензурой, а сам Чуковский арестован. За девять дней, проведённых в тюрьме, он, как позже признавался в дневнике, глубоко прочувствовал отношение власти к задевающей её сатире.

В «серебряный век» литературные таланты Чуковского расцвели. Он показал себя резким и эпатажным критиком-многостаночником, едким и не всегда объективным колумнистом ведущих изданий. Знался со многими «звёздами»: Мандельштамом, Ахматовой, Маяковским. Дружил с Репиным, тот ссудил его деньгами для покупки дачи в Куоккале (нынешнее Репино) по соседству с собой, вёл ёрнический домашний журнал «Чукоккала». На страницах самодельного журнала рисунками, стихами, эпиграммами, афоризмами отметились выдающиеся писатели, поэты, художники, композиторы.

С большевиками отношения у оставшегося после революции в России Чуковского сложились напряжённые. «...в Гублите, – писал он в дневнике 1 августа 1925 года, – запретили «Муху-Цокотуху». «Тараканище» висел на волоске – отстояли. Но «Муху» отстоять не удалось. Итак, моё наиболее весёлое, наиболее музыкальное, наиболее удачное произведение уничтожается только потому, что в нём упомянуты именины!!!» Сейчас в это трудно поверить, но в то время в СССР были запрещены, как религиозные пережитки, не только именины, но и празднования Рождества, Нового года, установка украшенных игрушками и звёздами ёлок. Критиковать Чуковского вскоре взялась сама

Надежда Крупская, запустив в оборот термин «чуковщина». Вдове Ильича не понравился «Крокодил». «Вместо рассказа о жизни крокодила, – возмутилась она, – дети услышат о нём невероятную галиматью». К цензурным неприятностям вскоре добавились другие, куда более серьёзные. В 1926 году дочь Чуковского Лидию арестовали и выслали в Саратов за изготовление листовок антисоветского содержания. В 1938 году расстреляли её мужа Матвея Бронштейна – учёного, занимавшегося теорией квантовой гравитации. Лидия Корнеевна Чуковская – талантливая писательница – стала убеждённой и последовательной «диссиденткой», одним из лидеров правозащитного движения в СССР. Да и сам Чуковский был в политическом смысле, хоть и прозорлив, но не всегда осторожен. В архивах КГБ сохранился донос о высказанном им в частном разговоре мнении, что, покончив с деспотизмом Гитлера, мировому сообществу рано или поздно придётся разбираться с деспотизмом советским.

По духу «внутренний эмигрант» в стране советов, Чуковский всю жизнь с пристрастностью исследовал творчество Николая Некрасова, метафизически завидуя ломовой прямоте «певца народного горя». За книгу «Мастерство Некрасова» он был удостоен в 1962 году Ленинской премии по литературе. Чуковский видел куда более масштабное горе в советской стране, но петь о нём (за пределами дневника) не решался, уходя в журналистику, литературоведение, общественную деятельность. В годы хрущёвской «оттепели» он выступал за «демократизацию», презирал литературных «черносотенцев», считал повесть «Один день Ивана Денисовича» Солженицына судьбоносным «прорывом» русской литературы к правде. Поддерживал не только молодых литераторов-западников – Вознесенского, Аксёнова, Ахмадулину, но вообще всё живое и талантливое в тогдашней литературе. Подписал оставшееся без ответа письмо деятелей культуры Брежневу против реставрации сталинизма. Переживший несколько волн партийной критики в сталинские годы, в последующие «вегетарианские» времена Корней Чуковский, зная себе цену, совмещал официальное признание, ордена и премии со сдержанным вольномыслием. Власть в свою очередь прощала ему и общение с Солженицыным, и дочь-диссидентку Лидию. Свои заслуги на ниве скрытой борьбы с режимом Чуковский, впрочем, не переоценивал. В раскрепощённые дни «оттепели» в стихотворении про наводившего ужас на огромных зверей «Тараканище» поклонники поэта увидели намёк не только на «кушающего деток» Сталина, но и на самовоспроизводящиеся особенности взаимоотношений народа и власти в России. Чуковский честно уточнил, что сочинил это стихотворение в годы, когда Сталин не был на вершине власти. Зато сам вождь на партийном съезде клеймил коммунистов за трусость, «едва только зашуршит за печкой какой-нибудь таракан». Сталин точно читал «Тараканище» и, возможно, вспоминал, как развил эту тему Осип Мандельштам: «Тараканьи смеются усища и сияют его голенища». Сталинских премий по литературе Чуковский не получал.

По итогам прошлого года Корней Чуковский оказался самым издаваемым автором книг для детей. Его замечательные, но с глубокими и местами нелцеприятными встроенными смыслами стихи оказались современным детям и родителям ближе и понятнее, нежели гендерно нейтральные толерант-

ные вирши переводных авторов. В России настоящая поэзия для детей – это жизнь, а она всегда добрая и злая, жестокая и милосердная, честная и лживая, страшная и прекрасная. Корней Чуковский, вопреки тому, что видел вокруг себя, в адресованной детям поэзии верил в победу добра.

Константин Симонов: Вновь на передовой

Константин Симонов был яркой личностью эпохи сталинского «великого стиля» в культуре и литературе. Своё сложное с тогдашней точки зрения дворянское происхождение он искупал бешеной энергией, желанием везде успеть, личной храбростью. В 1936 году первые его стихи были опубликованы в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь». Через три года он, уже как военный корреспондент, рисковал жизнью на Халхин-Голе, а после – с первых дней – на фронтах Великой Отечественной. Он чудом остался жив в боях под Могилёвом, где советские бойцы уничтожили тридцать девять немецких танков. Там по завещанию был развеян его прах. Возле камня с памятной табличкой всегда лежат живые цветы.

Константин Симонов писал прозу, сочинял пьесы (самая известная – «Парень из нашего города»), сценарии, но прославился как поэт открытого чувства. Такая поэзия всегда востребована в дни испытаний. Константин Симонов, Александр Твардовский, Александр Межиров, Семён Гудзенко, Борис Слуцкий, другие поэты-фронтовики смогли переплавить смертельный опыт человека на войне в высокую поэзию, вырвавшуюся на оперативный простор народной души. Они художественно воплотили индивидуальное личностное «я» миллионов идущих в бой людей в общенародное «мы». Стихотворения Константина Симонова, «Жди меня», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», многие другие на тему любви, смерти, солдатского долга стали поистине народными. Солдаты и офицеры вырезали их из газет, переписывали от руки.

Константин Симонов был обласкан властью. Он получал ордена, Сталинские премии по литературе, редактировал журнал «Новый мир» и «Литературную газету». Сразу после войны по заданию партии ездил по Европе и Америке, убеждая известных писателей-эмигрантов вернуться на родину. Его сопровождала жена – известная, любимая народом артистка Валентина Серова. Она будто бы шепнула задумавшемуся над предложением Ивану Бунину, чтобы он ни в коем случае не совершил этой ошибки. По возвращении Симонов отметился в гонениях на «безродных космополитов», Анну Ахматову и Михаила Зощенко. Когда больной и униженный Зощенко на собрании писателей в Ленинграде попросил оставить его в покое, Симонов произнёс историческую фразу: «Товарищ Зощенко бьёт на жалость...». На смерть вождя народов Симонов откликнулся строчками: «Нет слов таких, чтоб ими рассказать, // Как мы скорбим по Вас, // товарищ Сталин». И после, когда уже вполне можно было промолчать, он в общем хоре деятелей культуры осуждал Пастернака, Солженицына, академика Сахарова...

Симонову хватило мужества честно проанализировать свой жизненный путь в публицистической книге «Глазами человека моего поколения». Он был

искренен и когда верил в вождя, и когда пересмотрел своё к нему отношение. Разобравшись со Сталиным, он написал ряд правдивых романов о войне: «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето». Во многом благодаря Симонову увидел свет шедевр Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», был переведён на русский язык и напечатан роман Хемингуэя «По ком звонит колокол». Симонов всегда откликался на просьбы фронтовиков, писал письма в инстанции, защищал несправедливо обиженных. Он пробил в печать «непроходную» военную повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка», выступал против запретов спектаклей Театра на Таганке и «Современника», отводил «цензурную руку» от многих талантливых произведений. И это только вершина «айсберга» его полезных дел.

Сегодня поэзия открытого чувства, а вместе с ней мастер этого жанра Константин Симонов, вновь на «передовой» литературы и истории.

Сергей Михалков: Возвращение Дяди Стёпы

Сергей Владимирович Михалков прожил долгую и интересную жизнь. Литератор-многогранник (детский поэт, баснописец, драматург, автор трёх вариантов государственного гимна); большой литературный начальник (многолетний председатель Союза писателей РСФСР); государственный деятель. В ареопаге советских писателей он занял место «красного графа» Алексея Толстого: дворянское происхождение; недюжинный литературный талант; усердное служение власти. Хотя в биографии Михалкова в силу возраста не было эмигрантского прошлого, которое, как считали недоброжелатели (и завистники) отмаливал граф, славя СССР и Сталина.

Сергей Михалков был рано обласкан властью, получил первый орден Ленина в 1939 году, в двадцать шесть лет. Опять же завистники увидели в этом комплимент за опубликованное в «Известиях» стихотворение «Светлана», будто бы понравившееся отцу и вождю. Сам поэт считал это выдумкой.

Образ милиционера Дяди Стёпы на долгие годы стал архетипом советской детской литературы, а сам Дядя Стёпа превратился в народного героя. В образе гражданина «по прозванию каланча» Михалков одновременно возвысил власть и народ. Власть в лице Дяди Стёпы защищала, учила, воспитывала народ. Сам же Дядя Стёпа воплощал в себе лучшие, одобряемые властью черты советского человека. Дяде Стёпе не удалось стать Василием Тёркиным, но он успел побыть пограничником, сходить после подписания пакта Молотова – Риббентропа в освободительный поход Красной Армии в Польшу.

Михалков был разный. Как детский поэт он интуитивно понимал природу ребёнка, примеряя на себя детское восприятие мира. Его непосредственность была искренней, привлекала к нему людей. Михалков обладал даром очаровывать власть. Он верой и правдой служил поочерёдно всем генсекам и президентам СССР и России. Он делал это без насилия над собой, полагая, что государство и богом (народом) назначенная власть существуют не для того, чтобы превратить жизнь подданных в рай, а чтобы удержать её от схождения в ад, который точно настанет, если не будет власти и государства.

Всё так, но много лет Михалков талантливо и с выдумкой вёл знаменитый

киножурнал «Фитиль», бесстрашно бичующий недостатки советской системы. Он всё видел и всё понимал. Писательский начальник и государственный деятель, Михалков клеймил позором диссидентов, Солженицына, Сахарова, но при этом не оставлял без внимания поступавшие на его имя жалобы и прошения, используя регалии, помогал коллегам, поддерживал молодых талантливых авторов. Он был сыном своего времени, и сегодня идущие следом поколения воспринимают канувшую в лету Атлантиду по имени СССР в том числе и по его стихам.

Сергей Михалков был счастлив в детях и внуках. Они добились многого своими талантами, переняв от отца и деда правильные взгляды на жизнь. Приёмный сын Андрон Кончаловский вспоминал, как отец поддерживал его, передавая с лётчиками банки чёрной икры, когда он (без явного позволения со стороны властей) искал режиссёрского счастья в Европе и Голливуде. В СССР икру в то время можно было достать, в Америке же она стоила бешеных денег.

Лучшие стихи Михалкова вошли в школьные хрестоматии. Многие строчки, к примеру: «А у нас в квартире газ. А у вас?» обрели, спустя десятилетия, неожиданный, но актуальный смысл. Другие, этого же, сочинённого в 1947 году, стихотворения строчки: «А у нас сегодня кошка родила вчера котят» удивительно точно передают информационную атмосферу социальных сетей. И таких «странных сближений» в поэзии Сергея Михалкова великое множество. Истинный поэт всегда чувствует будущее.